

А.С. Дружинец

**Из истории налогообложения казахского
и киргизского населения Чуйской долины
после присоединения к России:
внешнеполитический аспект (1860–1864 гг.)**

Политические перемены конца XX в. привели к возникновению ряда новых независимых государств на постсоветском пространстве, оказали влияние на изменение международной ситуации в Центральной Азии. На сегодняшний день данный регион продолжает представлять для России огромную торгово-экономическую, политическую и стратегическую важность. Возрастает интерес к прошлому опыту взаимоотношений России и центральноазиатских государств. Особое звучание приобретает проблема присоединения Казахстана к России.

В середине XIX в. наступил новый этап политики Российского государства в Центральной Азии. Обострение соперничества между Россией и Кокандским ханством в борьбе за господство в Южном Казахстане и Северной Киргизии, назревшая необходимость территориального разграничения между Российской и Цинской империями в Центральной Азии в начале 60-х гг. требовали со стороны России решительных и глубоко продуманных действий.

В мае 1845 г. с просьбой о принятии подданства России к русским властям обратились владельцы родов и отделений Старшего жуза, кочевавших преимущественно в восточных районах Семиречья*. Просьба была удовлетворена, а в 1846 г. правители Старшего жуза Сюк Аблайханов, Али Адилев, Акымбек Аблаев и другие, выражая желание подведомственных им казахов, еще раз подтвердили свое подданство России [1, с. 305–306, 319].

Во второй половине 40-х гг. XIX в. и особенно в первой половине 50-х гг. XIX в. активизируются прерванные на период завоевания Киргизии Кокандским ханством контакты чуйских и иссык-кульских киргизов с Россией. В своих письмах киргизские манапы неоднократно обращаются с просьбой о принятии их в подданство [2, с. 124, 130–133]. В 1855 г. был принят положительный ответ на просьбу о российском подданстве киргизов племени бугу, кочующих в восточной части долины р. Кебин (Прииссыккулье), которая была направлена ими еще в 1853 г. [2, с. 156–158; 3, с. 293]. В 1848 г. был образован Алатавский (Алатауский) округ с административным центром в Копале для управления казахами и киргизами, признавшими

* Семиречье (Жетысу) происходит от казахского словосочетания *жету* – семь и *су* – вода. Так называлась территория к юго-востоку от оз. Балхаш, в которое впадают реки Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепсы, Баскан, Сарканд.

подданство России. Таким образом, к началу 60-х гг. XIX в. Россия распространила свое влияние на южные казахские земли (территория Семиречья) и северные части земель, занимаемых киргизами (Прииссыккулье).

В октябре 1860 г. под Узун-Агачем русские разбили главные военные силы кокандского Малля-хана [4, с. 234–237]. Осенью 1862 г. русскими войсками под командованием Г.А. Колпаковского были окончательно заняты кокандские крепости Пишпек и Токмак. Тем самым российской власти были подчинены новые группы киргизов племен солто и сарыбагиш. В 1863 г. с выражением преданности русским властям и просьбами принять их в подданство обратились племена чирик и саяк [2, с. 272–275].

На фоне успехов российского оружия в борьбе с Кокандским ханством, а также признания российского подданства все новыми и новыми группами казахов и киргизов другой субъект международных отношений в данном регионе – цинский Китай – явно занимал более слабые позиции. Цинская империя к тому времени не обладала реальной властью над кочевниками Семиречья, а Опиумные войны с западными странами продемонстрировали ее слабость и в военном отношении. Ситуацию усугубляли не прекращающиеся волнения в этнически пестром Синьцзяне. Известный исследователь Центральной Азии, офицер Генерального штаба М.И. Венюков писал по этому поводу следующее: «Что касается до возмущений внутри самой страны (Китая. – *А.Д.*), возмущений, которые не раз случались и были вызываемы тиранствами китайского управления, то это едва ли не более опасная вещь, чем нападения внешних противников» [5, л. 11об.].

Для более полной характеристики международной обстановки в Центральной Азии в рассматриваемый период необходимо отметить, что на тот момент какого-либо межгосударственного акта о прохождении границы на центральноазиатском участке между Россией и Китаем не существовало. Линия русско-китайской границы, лишь в общих чертах намеченная условиями Пекинского договора, стала в дальнейшем предметом крайне сложных и чрезвычайно напряженных переговоров, проходивших с перерывами в течение 1861–1864 гг. в китайском городе Чугучаке. Основу разногласий сторон составлял вопрос о пикетах (караулах): российская делегация в лице возглавлявшего

ее полковника И.Ф. Бабкова настаивала на том, что граница должна пройти по линии постоянных пикетов (фактически обозначавших реальные пределы владений Цинской империи), а китайские уполномоченные определяли границу по линии временных и передвижных пикетов (выставлявшихся в летнее время к западу от линии постоянных) [6, с. 47–49].

В ходе переговоров китайская сторона пыталась оставить за собой как можно большие по площади территории, не останавливаясь даже перед таким средством, как провоцирование пограничных конфликтов. Весной 1862 и летом 1863 г. цинские власти под предлогом «осмотра местности для предстоящего разграничения» с небывалой настойчивостью производят высылку своих военных отрядов на всем пространстве пограничной полосы от оз. Зайсан до оз. Иссык-Куль [7, с. 21–27]. Одновременно с этим цинская администрация распространяла в казахских и киргизских кочевьях свои прокламации с призывом к султанам Старшего жуза и манапам Киргизии выступить против России [2, с. 283]. В конечном итоге наступления цинских войск были отражены русскими военными отрядами, и они были вынуждены отступить обратно в китайские пределы. Целью подобных военных демонстраций, как отмечал И.Ф. Бабков, было «под предлогом осмотра границ, выказать свои права на большую часть киргизских (казахских. – А.Д.) земель и отодвинуть границу по возможности на самое дальнее расстояние к западу» [8, с. 165–166].

Тем временем российское правительство активизирует среднеазиатское направление своей внешней политики. Весною 1864 г. против Кокандского ханства было послано два отряда: со стороны Сибирской военной линии (из г. Верного) выступил отряд полковника Черняева, а со стороны Оренбурга (из Форта Перовского) навстречу ему вышел отряд под начальством полковника Веревкина. Летом 1864 г. Черняев взял крепость Аулие-Ату, а Веревкин – г. Туркестан, осенью того же года отряды встретились и овладели Чимкентом [9, с. 155–158]. В результате этого наступления были соединены Сибирская и Сырдарьинская (бывшая Оренбургская) военные линии, полукольцом охватывающие юг Казахстана и территории Северной Киргизии. Из укреплений – Форт Перовский, Джулек, Туркестан, Чимкент, Аулие-ата, Мерке и Токмак была образована новая передовая Кокандская линия, начальником которой был назначен полковник М.Г. Черняев.

Таким образом, под власть России поступили кочевавшие от северной части оз. Иссык-Куль до Мерке киргизы (в количестве до 22 тысяч юрт) и казахи Старшего жуза, кочевья которых располагались западнее Мерке – между реками Чу и Талас, а также в окрестностях Сузака и Чулак-кургана. Всего же казахов Старшего жуза, кочующих как в присоединенном Зачуйском крае, так и остающихся в пределах

Кокандского ханства, по сведениям Г.А. Колпаковского, насчитывалось более 40 тысяч кибиток [10, л. 36об.–37].

Первоочередной задачей российского правительства в данной ситуации становилось закрепление политического господства России на присоединенных территориях. Для этого необходимо было усовершенствовать административную и финансовую системы не только на этих территориях, но и в ранее присоединенных казахских землях. На этих территориях необходимо было иметь сильную власть, способную проводить экономическую политику России с учетом местных особенностей и добиться максимальной стабилизации политической ситуации в регионе. Однако реализация данных целей была взаимообусловлена международной обстановкой в Заилийском крае, весьма нестабильной на тот момент. В связи с этим российское правительство было вынуждено постоянно соотносить свои действия с изменениями в центральноазиатском регионе.

С целью получения точных сведений по вопросу о необходимости обложения податями кочевого населения присоединенного края генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель в начале июня 1864 г. направил соответствующие запросы начальнику Алатавского округа и киргизов Большой Орды генерал-майору Г.А. Колпаковскому, военному губернатору Семипалатинской области генерал-лейтенанту Ф.А. Панову и начальнику передовой Кокандской линии полковнику М.Г. Черняеву. Полученные ответы свидетельствовали о разных подходах представителей местной администрации к решению данной проблемы как в части целесообразности введения налогообложения, так и в выборе определенной его системы.

Начальник Алатавского округа и киргизов Большой Орды генерал-майор Г.А. Колпаковский обладал наиболее полными сведениями о количестве проживающих в присоединенных землях казахов и киргизов, а также о внешнеполитической обстановке в обозначенном регионе и потому справедливо полагал, что введение данной меры следует отложить вплоть до окончательного решения вопроса о проведении российско-китайской границы на ее центральноазиатском участке. «В противном же случае, – отмечал Г.А. Колпаковский, – значительная масса Большой и Дикокаменной Орд*, кочующих вблизи китайских пределов и в настоящее время удерживаемых почти только тем, что с них не взимается никакой подати, может отложиться и принять китайское подданство» [10, л. 5]. Рассматривая основные из существующих систем сбора податей – ясачную (с количества скота по 1 со 100 голов) и кибиточную (1 руб. 50 коп. с юрты), – Колпаковский считал, что ясачный сбор «правильнее и безобиднее, чем сбор с кибиток, где платят одинаково и богач и бедняк», однако пред-

* Имеются в виду казахи Старшего жуза и киргизы, кочующие в северной части оз. Иссык-Куль.

лагал изменить существующий порядок проверки скота (ответственными за который были участковые заседатели) командированием каждые 3 года особых комиссий из доверенных лиц [10, л. 37об.].

Военный губернатор Семипалатинской области генерал-лейтенант Ф.А. Панов также считал обложение населения присоединенных территорий какими-либо податями преждевременным, но аргументировал это несколько по-иному. Он указывал, что в целях укрепления российских позиций «в чужом крае» основные усилия следовало направить к тому, «чтобы на первых же порах дать почувствовать населению края, что, сделавшись русскими подданными, они перешли из худшего положения в лучшее» [10, л. 5об.]. Для этого, по мнению Панова, в первую очередь, было необходимо не только оставить за казахами и киргизами Зачуйского края все их права, но и улучшить по возможности материальное их благосостояние, в то время как «обложение непривычными для них правильными податями, как бы легки они не были, если, быть может, и не ухудшит настоящего их положения, то неминуемо вызовет недоверие к будущему, дав повод думать, что это только начало ожидающих их впереди повинностей и, в том числе, рекрутской, так страшно пугающей воображение киргиз» [10, л. 6]. К такому заключению вновь присоединенное население, как отмечал Панов, может также прийти в результате сравнения своего положения с положением соседей (казахов Старшего жуза, входящих в Алатавский округ), которые, несмотря на то, что более 10 лет находятся в подданстве России, не платят никаких податей, за исключением подводной*. В связи с этим введение каких-либо податей будет расценено как попытка поставить их в положение более зависимое, более поработанное, и, конечно, не будет способствовать укреплению в их среде пророссийских настроений.

Относительно систем сбора податей генерал-лейтенант Панов находил, что ясачная система, распространенная в Среднем жузе (в областях Семипалатинской и Сибирских киргизов) имела преимущество над кибиточным сбором, которая применялась к казахам Младшего жуза. В основе этого преимущества, по мнению Панова, лежало то обстоятельство, что «ясак, собираясь со скота, как единственного представителя имущества, распределялся равномерно, и без стеснения инородцев; тогда как кибиточный сбор падает одинаково и на бедняка, не имеющего ровным счетом ничего кроме юрты, и на богача, считающего свой скот тысячами голов» [10, л. 35]. Проблему «утайки скота» военный губернатор Семипалатинской области предлагал решить путем учреждения «правильного и постоянного контроля» за ежегодными изменениями в хозяйстве казахов и киргизов, поручив наблюдение за этим волостным управителям и аульным старшинам.

* Подводная подать состояла в обеспечении русских отрядов скотом, необходимым для внутренних перевозок.

Начальник передовой Кокандской линии М.Г. Черняев, напротив, считал обложение податями населения Зачуйского края полезной мерою, полагая оставить до окончательного преобразования степи тот же налог, который был установлен ранее кокандскими властями, и начать взимать его с 1 января 1865 г. С этого же времени, по его мнению, было бы удобным распространить ясачный сбор и на казахов Старшего жуза, поясняя это тем, что «с постройкою наших укреплений на левом берегу Чу, спокойствие их непрерывно нарушаемое барантою** с кара-киргизами (киргизами Прииссыккуля. – А.Д.), будет вполне обеспечено» [10, л. 4об.]. Что касается системы сбора податей, то Черняев отдавал предпочтение кибиточному сбору, но предлагал взимать его не деньгами (1 руб. 50 коп.), а скотом – по 1 барану с юрты ввиду облегчения положения населения присоединенного края с последующим переводом натуральной подати на денежную.

Аккумулировав данные сведения, генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель 19 июня 1864 г. направил их в Главное управление Генерального штаба, а также в адрес командира отдельного Оренбургского корпуса А.П. Безака, особо указывая, что считает обложение казахов Старшего жуза и киргиз Прииссыккуля денежными податями до окончательного решения вопроса о границе между Россией и цинским Китаем на западном ее участке мерою преждевременной, поддержав, таким образом, точку зрения начальника Алатавского округа и киргизов Большой Орды генерал-майора Г.А. Колпаковского [10, л. 6об.].

Оренбургское начальство, рассмотрев вышеизложенные мнения, поддержало по данному вопросу точку зрения М.Г. Черняева и признало необходимым облагать податью население Зачуйского края в первый же год вступления в подданство [10, л. 40об.].

Главное управление Генерального штаба на основании всей имеющейся информации представило сводный доклад и свои соображения по данному вопросу. Оно не согласилось с доводами генерал-лейтенанта Панова о том, что за казахами Старшего жуза, входящими в Алатавский округ, необходимо оставить все их права, так как «временная льгота (здесь и далее подчеркнуто в тексте. – А.Д.) от платежа податей, предоставленная киргизам Большой Орды, ни коим образом не может быть рассматриваема, как право, которое не может быть нарушено» [10, л. 40]. В такой ситуации, когда население присоединенного края уже платило несравненно более тяжкую подать кокандцам*** и видело, что казахи Среднего и Младше-

** Барымта (в русских источниках – баранта) – насильственный отгон скота, обычно как возмездие за материальный ущерб или штраф за оскорбление.

*** Как отмечает М.И. Венюков, налог, собираемый кокандскими сборщиками (зякетчами и датхами), был очень нелегок: иногда он доходил до 3 или 4 баранов с юрты, обычно же налог составлял с 40 голов скота по одной [11, л. 14об.–15].

го жуза уже давно обложены российским правительством податями, остающимися неизменными, Главное управление отказывалось согласиться с тем, что новые российские подданные в требуемой с них подати «непрерывно видели лишь начало повинностей, а не окончательную, раз и навсегда установленную обязанность». Также указывалось, что в назначенной определенной подати кочевники скорее увидят доказательства того, что российское правительство смотрит на них «как на вступивших окончательно в русское подданство, а не как на временно подвластные ей племена, которые могут быть обратно отданы Кокании при первой случайности» [10, л. 40–40об.].

Следует отметить, что интересующие нас доводы Панова и Колпаковского о преждевременности обложения податью казахов и киргизов Алатавского округа были приняты во внимание. Положение о том, что распространение на них российского налогообложения будет отложено вплоть до окончательного разграничения с Западным Китаем, нашло свое отражение в указе императора, копия с которого и была направлена военным министром Д.А. Милютиним генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю [10, л. 44об.]. Определение способов и размера взимания с 1 января 1865 г. податей с остального кочевого и оседлого населения Зачуйского края, согласно указу, было предоставлено начальнику передовой Кокандской линии М.Г. Черняеву в соответствии с местными обстоятельствами. Окончательное же решение вопроса о взимании податей с населения присоединенных земель, как прежде подвластного, так и вновь покорившегося было отложено до введения нового управления всем степным пространством Сибирского и Оренбургского краев*.

Между тем в начале лета 1864 г. политическая обстановка в Синьцзяне осложнилась: восстание мусульманских народов – дунган, уйгуров, казахов и др. – перекинулось в города Кашгарии, а затем и

в Илийский (Кульджинский) край. В такой обстановке 30 июля 1864 г. китайская сторона согласилась принять российские условия и завершить переговоры о границе. В результате 25 сентября 1864 г. между Россией и цинским Китаем был подписан Чугучакский протокол об установлении государственной границы от Алтая до Памира [13, с. 96–97]. Данный протокол, безусловно, являлся крупным успехом российских дипломатов и закрепил, как отмечал Б.П. Гуревич, «фактическое положение, которое сложилось в Центральной Азии» (цит. по: [6, с. 60]). Однако из-за восстания в Синьцзяне пограничные статьи Чугучакского протокола так и не были реализованы полностью, и демаркацию новой границы на местности пришлось отложить до 1869 г. [14, с. 157–158].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что ключевую роль в решении проблемы налогообложения присоединенного населения, безусловно, играл внешнеполитический фактор. С одной стороны, полный отказ от введения налогообложения в отношении кочевников мог поставить под вопрос «нравственное влияние» России в присоединенном крае, так как кочевое население видело в собирании податей определенный символ власти над собою. С другой стороны, излишнее усердие в этом направлении – обложение чересчур тяжкими податями – также могло привести к нежелательному результату. Любой неверный шаг российского правительства мог побудить казахов и киргизов откочевать в пределы Коканда или Китая, а в условиях проведения русско-китайских переговоров по разграничению это могло закончиться потерей для России ряда территорий. Именно поэтому, приняв во внимание особое стратегическое положение Заилийского края, российское правительство заняло взвешенную позицию по данному вопросу: оно временно исключило население Чуйской долины из числа податных до окончательного решения вопроса о разграничении между Российской и Цинской империями в Центральной Азии.

Библиографический список

1. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867) : сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1964.
2. Кыргызстан–Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.) : сборник документов и материалов. – Бишкек, 1998.
3. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство / В.М. Плоских. – Фрунзе, 1977.
4. Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1.
5. Венюков М.И. Военно-статистические очерки земель соседних России в Азии / М.И. Венюков. – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). – Ф. 363. – К. №3. – Д. 14.
6. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В.А. Моисеев. – Барнаул, 2003.
7. Хахалин К.В. О русско-китайском пограничном конфликте на р. Или в 1863 г. / К.В. Хахалин // Вторые восточноведческие чтения памяти С.Г. Лившица. – Барнаул, 1998.

* Впоследствии в результате введения Положения 1867 г. в Сырдарьинской и Семиреченской областях, в состав которой вошли земли Алатавского округа, кибиточный сбор определен был в размере 2 руб. 75 коп. с кибитки [12, с. 523].

Из истории налогообложения казахского и киргизского населения...

8. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859–1875) / И.Ф. Бабков. – СПб., 1912.

9. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.) / Н.А. Халфин. – М., 1965.

10. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 38. – Оп. 8. – Д. 75.

11. Венюков М.И. О стратегическом положении Заилийского края / М.И. Венюков. – ОР РГБ. – Ф. 363. – К. №3. – Д. 13.

12. Аристов Н.А. Усуни и киргизы или кара-киргизы : очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии / Н.А. Аристов. – Бишкек, 2001.

13. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. – М., 2004.

14. Границы Китая: история формирования. – М., 2001.